

Глава 75. Производство. Показания Чу Си

В такую нестерпимую жару обезвоживание мучительнее голода в сотни раз.

Привыкшие к безбедной и роскошной жизни в шоу-бизнесе, эти люди едва ли могли вообразить, что такое настоящий голод и жажда.

Ю Ю жестом велел остальным сделать передышку, сесть прямо у дверей и спокойно поесть и попить, не стесняясь в звуках.

Обнаружив, что воды нет, Чу Си несколько минут колотила в дверь, требуя объяснений, а в конце даже разрыдалась. Но в ответ ей по-прежнему была лишь тишина.

Ю Ю, получивший вчера серьёзные ранения, сидел, прислонившись спиной к стене. Его рубашка была вся в крови. Усадив остальных, он и сам опустился на пол в углу.

На самом деле, продюсеры и режиссёры не до конца верили в байку Ю Ю. Но, во-первых, они привыкли работать под началом Ван Тао, терпеть его окрики и быть всего лишь винтиками в его машине. Со смертью босса они потеряли опору и запаниковали, и появление Ю Ю как раз заполнило эту пустоту. Во-вторых, прячась за спиной Ю Ю, они в случае чего могли бы свалить всю вину на него и остаться в стороне.

И вот сейчас, когда какая-то несчастная девушка плачет и колотит в дверь, спрашивая, что им от неё нужно, они лишь молча пьют воду и жуют хлеб. В коллективе мораль и чувство ответственности стремительно идут ко дну. Люди перестают руководствоваться собственной волей, подчиняясь воле того, кто отдаёт приказы, а значит, и слёзы этой девушки их больше не тяготили.

Ю Ю отметил, как быстро сменяется на их лицах жалость безразличием, и в очередной раз убедился, что нашёл отличных помощников. В группе с жёсткой централизацией власти люди быстро черствеют, добровольно превращаясь в бесчувственные инструменты и находя себе место в общей системе.

Убийца «дегуманизировал» своих жертв, чтобы хладнокровно и безжалостно совершать убийства. Точно так же и он может ответить ему тем же, «дегуманизовав» положение самого убийцы. Что ж, насчёт тех двоих, кто пострадает по ошибке, он мысленно извинится.

Разумеется, этой частью своего плана он не станет делиться со своим настоящим напарником.

Тот напарник выглядит стопроцентно светлым и лучезарным, словно никогда не сталкивался с тёмной стороной мира. Он боится темноты и боится «тьмы». Лучше не пугать его такими вещами.

Вскоре на острове наступило время самого быстрого прогрева.

В десять утра жара стала нестерпимой. После ночного вторжения У Хуая все окна на пятом этаже были наглухо закрыты. И пусть «монстр» мог их разбить, это хотя бы давало иллюзию безопасности.

В душной, непроветриваемой обстановке люди мгновенно покрывались потом. Продюсеры и режиссёры не выпускали из рук бутылки, делая по пару глотков и поглядывая на охраняемые ими двери, мысленно сочувствуя тем, кто томится внутри.

Первым не выдержал Цзян Чи.

— Директор Ван...

Как и Фан Божэнь, Цзян Чи тоже хотел увидеть Ван Тао.

— Директор Ван, я могу всё объяснить! Я правда был одержим, когда напал на госпожу Чу! Госпожа Чу, я правда не хотел, пожалуйста, поверьте мне...

— Цзян Чи.

Помощник режиссёра отставил воду и строгим тоном произнёс:

— Вы должны ответить на наш предыдущий вопрос. Какие у вас отношения с Шэнь Цинцюань?

В ответ на вопрос Цзян Чи снова замолчал, и за него ответил Фан Божэнь:

— Ван Тао, я не понимаю, что ты вообще задумал. Ты подозреваешь, что кто-то из нас столкнул У Хуая? Ты должен знать, что это абсолютно точно не я!

— Господин Фан, какие у вас отношения с У Хуаем?

— Позовите Ван Тао, я буду говорить только с Ван Тао!

Снаружи снова воцарилась тишина.

Молчание вновь расплзлось по коридору.

Ю Ю захотелось курить. В прошлом мире он не выпускал сигарету из рук не только для того, чтобы скрыть странности Хэ Синьчуаня. На самом деле его никотиновая зависимость была куда сильнее, чем у Хэ Синьчуаня. Его тело требовало никотина.

...Или хотя бы конфету.

Ю Ю сделал глоток воды. Он только что дожевал хлеб, и на языке остался лёгкий сладковатый привкус.

После не самого долгого противостояния в дверь постучали.

— Хочу воды...

Это была Чу Си.

— Я умираю от жажды, дайте воды, умоляю...

Голос Чу Си звучал гораздо спокойнее, чем раньше, но в нём сквозили изнеможение и страдание.

Снова никто не ответил.

Сочувствие словно выкачали из их тел. Последний его остаток испарился, когда они переглянулись и убедились, что никто так и не шевельнулся.

— Ответьте на один вопрос, и мы дадим вам пять секунд, чтобы вы могли попить. — озвучили они заранее оговоренные условия.

— Ответить на вопрос...

Чу Си снова заплакала. На этот раз сквозь рыдания прорезалась злоба, она скрежетала зубами:

— Какова цель этих вопросов? Вы хотите меня унижить? Я получила награду «Лучший новичок» и была приглашена в группу как сценарист! На какие такие связи я опираюсь? На связи литературной премии Цинцун?!..

Чу Си рыдала навзрыд, её крик был полон боли.

Плач эхом разносился по пустынному пятому этажу. Немного поплавав, Чу Си спросила сквозь всхлипы:

— Я же ответила на вопрос, можно мне воды?

— Извините, но воду дают только после того, как будут ответы на все вопросы.

— Хватит!

Фан Божэнь вдруг громко рявкнул:

— С Ван Тао что-то случилось?!

Все вздрогнули, но тут же вспомнили наставление Ю Ю: на любые вопросы отвечать молчанием, не отвечать ни на один их вопрос, только задавать свои. Они снова взяли себя в руки.

Никто не ответил. Фан Божэнь принялся яростно пинать дверь:

«Бам! Бам!»

Но он был не восставшим мертвецом Ван Тао и вышибить дверь не мог.

Когда удары стихли, наконец подал голос Цзян Чи:

— На сколько вопросов нужно ответить?

— Какие у вас отношения с Шэнь Цинцюань?

Цзян Чи молчал, но тут Фан Божэнь снова рявкнул:

— Цзян Чи!

Цзян Чи мгновенно замолк.

— Чу Си, готовы ответить на следующий вопрос?

«...»

— Кто дал вам право так издеваться над людьми?! Ван Тао никогда бы так не поступил! С Ван Тао что-то случилось?! Завтра вечером придёт катер с припасами, вы что, думаете, вам это сойдёт с рук?!

Фан Божэнь ревел, и в его голосе уже слышались нотки былой властности Ван Тао.

Два таких непохожих человека смогли стать друзьями именно потому, что у них было нечто общее.

Согласно рассуждениям Синь Синя, Фан Божэнь в команде сценаристов играл не просто роль лидера — он был императором, властвуя над остальными и телом, и духом. Его власть в команде сценаристов равнялась власти Ван Тао на съёмочной площадке. Но какой в этом теперь смысл?

Власть без отклика бесполезна.

Ю Ю сидел, прислонившись к стене, и молча смотрел на три закрытые двери, боковым зрением то и дело цепляясь за люкс Е Сюаньфэна справа, где томился ещё один «пленник».

Время утекало минута за минутой, и психологическое давление с обеих сторон нарастало. Пот проступал сквозь поры, пропитывая повязки, обжигая раны болью.

У него мало времени, — думал Ю Ю. Но к счастью, убийца не знал, что срок задания близится к концу. Их козырь оставался нераскрытым.

А у убийцы, возможно, до того, как остров будет покинут... всё ещё оставались цели, которые нужно было устранить. У «него» тоже время на исходе.

Столкнувшись с сопротивлением, что сейчас переполняет убийцу — тревога или азарт?

— Мы с госпожой Шэнь — однокурсники! Она моя старшая!

Цзян Чи вдруг выкрикнул ответ.

Он выпалил его быстро и кратко, словно боясь, что Фан Божэнь его отчитает.

— Господин Фан, простите, прошу вас, поймите меня и берегите себя, не злитесь больше!

Не прошло и минуты.

«Бах!»

Из комнаты Фан Божэнь донёлся грохот падающей мебели. Видимо, взбешённый «предательством» помощника, он с яростью опрокинул что-то ногой. Но Фан Божэнь не произнёс ни слова, словно решив не поддаваться на манипуляции Ю Ю и его людей, выбрав молчание.

Придерживаясь принципа «отвечает — продолжаем спрашивать», допрос Цзян Чи продолжился.

— Цзян Чи, благодаря чьим связям Чу Си попала в съёмочную группу?

Едва прозвучал второй вопрос, Чу Си, только что успокоившаяся, вдруг вскрикнула. Крик был коротким, почти бессмысленным. Она не стала ни останавливать Цзян Чи, ни отвечать за него.

Цзян Чи помедлил, а затем тихо произнёс:

— Я слышал, что госпожа Чу — родственница директора Вана.

За дверью раздалось тяжёлое, сдавленное дыхание. Все услышали, как Чу Си тихо плачет.

— Цзян Чи, вам известно, что кто-то в вашей команде сценаристов поддерживает непристойную связь?

— Не знаю.

— Цзян Чи, где вы находились утром четвёртого июля, прежде чем директор Ван привёл вас на пятый этаж?

— Меня заперли в ванной комнате.

— Цзян Чи, кто в съёмочной группе вызывает у вас наибольшую неприязнь?

— ...Я никого не ненавижу.

— Цзян Чи, а кто в съёмочной группе вам наиболее симпатичен?

— ...

Гладкий поток вопросов и ответов внезапно застыл на этом моменте. Допрашивающий невольно посмотрел на Ю Ю. Ю Ю слегка кивнул подбородком в сторону двери Чу Си.

Допрашивающий мгновенно понял намёк и тут же переключился на Чу Си.

— Чу Си, мы спрашиваем тебя ещё раз: благодаря чьим связям ты попала в съёмочную группу?

Чу Си уже перестала всхлипывать. Столкнувшись с тем же вопросом, она отвечала гораздо спокойнее, чем раньше:

— Директор Ван — мой дальний родственник. Он покровительствовал мне и помог попасть в группу.

— Вам известно о том, что кто-то в команде сценаристов поддерживает непристойную связь?

— Не знаю.

— Чу Си, где вы находились утром четвёртого июля, прежде чем директор Ван привёл вас на пятый этаж?

— Я отдыхала в своей комнате вместе с госпожой Шэнь.

Казалось, Чу Си смекнула, что последующие вопросы будут такими же, как у Цзян Чи, и отвечала очень бойко: людей, вызывающих неприязнь, нет, а больше всего ей симпатична Шэнь Цинцюань, потому что та о ней заботится.

Ответив на тот вопрос, на который Цзян Чи не ответил, она нетерпеливо спросила:

— Теперь мне можно попить воды?

Однако допрос продолжался:

— Чу Си, сколько раз вы солгали в ответах на эти вопросы?

После явной паузы Чу Си возразила:

— Я говорю правду!

Допрос без всякого предупреждения переключился на Фан Божэня:

— Господин Фан, будете отвечать на наши вопросы?

Фан Божэнь ответил молчанием, что стало его безмолвным протестом.

— Цзян Чи, кто в этой съемочной группе вам наиболее симпатичен?

— Госпожа Шэнь. Она ввела меня в профессию, и я очень ей благодарен.

После нескольких минут ступора ответы Цзян Чи снова полились плавно. Он даже опередил следующий вопрос:

— Я говорю только правду.

В этот момент помощника режиссёра легонько хлопнули по плечу. Ю Ю протянул ему записку, и помощник режиссёра начал слово в слово повторять то, что было только что на ней написано.

— Нет, вы лжёте.

— Я спросил вас, знаете ли вы о ком-то в команде сценаристов, кто поддерживает непристойную связь, и все вы ответили, что не знаете.

— В команде сценаристов женаты только Фан Божэнь и Шэнь Цинцюань, остальные холосты и не замужем. Это значит, что так называемая «непристойная связь» может существовать только как внебрачная связь с этими двумя. Если бы в команде сценаристов никто не поддерживал с ними никаких внебрачных отношений, вы бы не сказали «не знаем», а переспросили бы: «Что вы имеете в виду под непристойной связью?» или заявили бы: «Никаких непристойных связей нет», а не «не знаем».

Прочитав это, помощник режиссёра просто остолебенел. Он поднял голову и ошарашенно посмотрел на того, кто протянул ему записку.

Мёртвая тишина.

Все замолчали — и те, кто был за дверями, и те, кто снаружи.

Репутация Фан Божэня в кругах была весьма неплохой. До свадьбы он, безусловно, был блистательным повесой, но, по слухам, после брака блудный сын вернулся на путь истинный, и подобных сплетен больше не возникало. Неужели это его жена, Шэнь Цинцюань, ему изменяет?!

Ю Ю взял ручку, дописал ещё две строки и передал записку помощнику режиссера.

— Господин Фан, вы признаетесь сами или подождёте, пока эти двое вас сдадут? Вы занимаетесь художественным творчеством, должны хорошо разбираться в человеческой натуре. А человеческая натура не выдерживает проверок.

Жуткая тишина расплзалась по пятому этажу, смешиваясь с тошнотворным запахом гнили, создавая странную, неестественную гармонию.

Пять, а может, и десять минут спустя.

Кто-то стльно хлопнул по двери и выругался по-английски.

— Это я!

— Это я встречаюсь с господином Фаном! Ну что! Довольны?! — истерично закричала Чу Си.

<http://bllate.org/book/12899/1818929>